

Юаньшэна подобрали и приютили в даосском храме не так давно, во время затяжных осенних дождей. Прошное стерлось из памяти, его имя забылось. Лишь смутное тепло воспоминаний согревало его душу – счастливая семья.

Статный и добрый отец брал его на руки и учил читать и писать. Нежная, но сильная духом мать гладила по голове и заботливо вытирала слезы с лица.

Каждый раз, когда ему снился этот сон, Юаньшэна душили слезы, а тревога сжимала сердце. Он чувствовал, что какая-то страшная трагедия разрушила его мир, обрекла на скитания и едва не заморозила до смерти в ту дождливую ночь.

Наставником Юаньшэна был скромный даосский священник. Полуразрушенный и заброшенный храм давно не видел паломников. Жизнь текла своим чередом лишь благодаря тому, что мастер подрабатывал учителем в императорском дворце.

Юаньшэн глубоко уважал своего учителя в те редкие моменты, когда тот не был сумасшедшим, но когда его настигало безумие...

...Юаньшэн вздрогнул и проснулся посреди ночи. У кровати сидел его мудрый наставник, в глазах которого застыли печаль и сожаление.

Юаньшэн закрыл глаза, потер виски, пытаясь прогнать остатки сна:

— Учитель, что опять случилось?

Это слово «опять» звучало так знакомо, что почти причиняло боль.

Учитель Цэнь произнес:

— Мой ученик, твой предок явился мне во сне и сказал, что ты лишен мудрости. Боюсь, тебе недолго осталось в даосском храме.

— ...

Юаньшэн долго молчал. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Лишь откинулся на подушку, закрыл глаза и натянул одеяло на голову.

— Хорошо, завтра я пойду в соседний храм Ваньфу и приму посвящение.

Учитель Цэнь тут же распушил бороду, глаза его засверкали гневом. Он замахнулся, чтобы ударить ученика сквозь одеяло:

— Ты смеешь бежать и становиться монахом, предавая своего учителя и предков!

— Мы все монахи, какая разница? Учитель, не стоит дискриминировать лысых ослов (так часто говорят о буддийских монахах), — уверенно возразил Юаньшэн. — А еще, учитель, вы же сами говорили, что мы, практикующие, должны стремиться к единству знания и действия, следовать своей природе, иначе это повредит нашему сердцу дао. Поэтому, учитель, я действительно иду практиковать буддизм, потому что следую зову своего сердца. Эй! Ш-ш-ш! Учитель, зачем вы меня ударили?

— Если я не ударю тебя, мое сердце дао будет разбито!

Учитель Цэнь вновь принял свой мудрый вид, лишь слегка щелкнув ученика по лбу.

Он покрутил длинную белую бороду и принялся донимать ученика, который все еще лежал в постели:

— С сегодняшнего дня ты будешь ходить со мной в учебный кабинет и служить моим книжным мальчиком. Будь умницей во дворце, больше общайся с людьми и помогай мне находить интересных собеседников.

Учитель никогда не говорил о странных вещах, сверхъестественных силах или демонах; он уважал призраков и богов, но держал их на расстоянии. Господин Цэнь был даосским священником и конфуцианским ученым. Он никогда не верил в привидения и богов. Хотя в статье было что-то мистическое, он не верил, что это работа его предка.

Учитель Цэнь решил выяснить, кто скрывается за таинственным посланием. Он незаметно расставил несколько ловушек в своем ответе, намеренно оставил несколько словесных лазеек, заставляя свои слова противоречить взглядам, высказанным им на предыдущем занятии, надеясь, что другая сторона воспользуется возможностью и опровергнет его.

Судя по стилю письма, господин Цэнь решил, что автор — человек несколько прямолинейный или слишком приверженный логике. Он был уверен, что даже если другая сторона заметит его ловушку, то не станет намеренно уклоняться от ответа.

Все произошло именно так, как он и предполагал. Учитель Цэнь уже не сомневался, что этот человек посещал его лекции. Скорее всего, это был принц или его товарищ по учебе. Хотя принцессы тоже иногда заглядывали в кабинет, чтобы послушать его лекции, так что и этот вариант нельзя было исключать.

Он не мог заставить другую сторону раскрыть свою личность, если она этого не хотела, особенно если ею окажется принцесса. Приближаться к ней было опасно.

Лучше подослать маленького ученика. Кто знает, вдруг это принесет неожиданные плоды. К

тому же ученику всего семь или восемь лет, он еще даже не подросток. Если другая сторона действительно принцесса, ничего страшного не случится.

Кроме того, у маленького ученика нет таланта быть даосским священником, зато есть способности к учебе. Во дворце есть несколько старомодных учителей, но и у них есть чему поучиться, так что это может пойти ему на пользу.

Юаньшэн не подозревал, какие сложные планы строит его учитель. Он просто молча кивнул.

— Тогда вставай скорее, — поторопил его учитель Цэнь.

Юаньшэн возразил:

— Но, учитель, у вас же сегодня нет занятий.

— А зачем, по-твоему, я велю тебе поторапливаться? — Учитель Цэнь раздраженно шлепнул ученика по лбу. — Старик из семьи Ли совсем плох, его ноги отказывают, да и духом он слаб. Он всегда заставляет учеников читать полчаса перед началом урока. Давай поспешим и закончим урок до его прихода.

— Учитель, Великий предок все еще наблюдает за нами, будьте осторожны, чтобы вас не исключили из секты, — неохотно поднялся Юаньшэн, ворча себе под нос о своем учителе с сыновней заботой. — Учитель, может, возжечь благовония и помолиться Великому предку? В конце концов, Великий предок явился. Эх, я не хочу нести тяжкое бремя наставника в таком юном возрасте.

— Ты, маленький негодник, твой предок только явился мне во сне, он не хотел забирать меня, а ты уже мечтаешь об этом! — Учитель Цэнь не смог сохранить ауру неземной мудрости, он дунул в бороду и отпихнул ученика к стене.

***

Проснувшись утром, Сюэ Цзинань первым делом проверил, не пришло ли еще «пепельное письмо». К счастью, никто больше не сжигал для него бумагу.

Сюэ Цзинань открыл обучающее программное обеспечение, планируя изучить новые материалы во время завтрака. Это была его привычка.

На самом деле, он не открывал обучающее программное обеспечение каждый день, но всегда помнил расписание занятий. Всякий раз, когда он отправлялся в учебную комнату на новый

курс, о котором он никогда не слышал, он открывал обучающее программное обеспечение, чтобы самостоятельно изучить материалы.

Сегодня у него была лекция Великого наставника Ли – одного из трех тайши (Великий Учитель, почётный титул старых авторитетных наставников). Хотя это всего лишь номинальная должность, он также был чиновником первого ранга с выдающимся статусом, и император относился к нему с уважением.

Учитель Ли преподавал в основном «Книгу истории»* и «Летописи Вёсны и осени» из Пяти классических произведений, а также читал лекции по политической истории.

Сюэ Цзинань использовал время завтрака, чтобы подготовиться к предстоящему уроку. Он углубился в электронный учебник, и тут же всплыл сжатый пакет.

Оказывается, «Книга истории» – это всеобъемлющий труд, охватывающий политику, законы, астрономию и другие аспекты. Содержание было слишком обширным, а «Летописи Вёсны и осени» – историческая хроника, которую предстояло изучать в связке с другими историческими книгами, такими как «Исторические записки», «Книга Хань», «Записи о Трёх царствах»** и т. д.

[Книга истории содержит сведения по древнейшей (в т. ч. и мифологической) истории Китая; от легендарных времен до времен Конфуция.

Летописи Вёсны и осени, приписываемая Конфуцию летопись княжества Лу, пятая книга конфуцианского «Пятикнижия».

Исторические записки династии Западная Хань, первый по времени создания комплексный исторический труд, в котором Сыма Цянь описал историю Китая от мифической древности до своей современности.

Книга Хань, историческая хроника династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э.

Записи о Трёх царствах, официальные исторические хроники периода Троецарствия, автор Чэнь Шоу.]

Учебный материал был настолько плотным, что Сюэ Цзинань невольно приглушил звук онлайн-лекции и мысленно зажег свечу за свой человеческий мозг с ограниченным объемом памяти.

Люди так уязвимы. Им нужно время, чтобы что-то узнать и полностью усвоить, прежде чем это запечатлится в их мозгах и станет доступно для использования. Это не похоже на них, цифровых существ, которые могут просто загрузить все данные одним щелчком и манипулировать ими по своему желанию.

Сюэ Цзинань быстро пролистал первую книгу страницу за страницей, но когда добрался до длинного электронного учебника, его мозг объявил забастовку.

Он решил посмотреть несколько онлайн-курсов, чтобы немного расслабиться, а затем, пока никто не видит, впихнуть в себя знания.

В итоге его взгляд постепенно стал смущенным и любопытным. Он увидел, как наставник Ли, дрожа, указывает тростью на знакомую фигуру, излучающую мудрость, и гневно восклицает:

— Этот старый вор из семьи Цэнь воспользовался моей немощью и бессовестно крадет у меня прямо на глазах, уводя учеников на свои занятия...

На возвышении, словно восседая на троне знаний, восседал наставник Цэнь. Подле него, словно верный служка, примостился маленький даосский мальчик лет семи, не больше. Его глаза, словно два уголька, искрились восхищением, а голова беспрестанно кивала в такт словам из статьи учителя Ли. Безмолвное обожание сквозило в каждом жесте, в каждом взгляде - «Он такой талантливый!»

Сюэ Цзинань, заметив тайный жест учителя Цэня, покровительственно похлопывающего даосского ученика по спине, неспешно обратился к великому наставнику Ли:

— Как можно называть обучение и просвещение кражей? Я лишь не желаю, дабы мои подопечные тратили драгоценное время впустую. Вы слишком серьезны, великий наставник Ли.

Так, словно искры от кремня, вспыхнул спор между двумя учителями. Изначальная борьба за учеников переросла в философский диспут о сущности преподавания, а затем и в политические баталии о моральном облике учителя. В итоге, разгорелась масштабная литературная дуэль, достойная пера летописца.

Пока светила науки предавались словесным баталиям, маленький даосский мальчик, словно опытный дипломат, велел слугам расставить столы по кругу. Ученики, словно замороженные, уселись вокруг, внимая каждому слову, каждому жесту учителей, обмениваясь тихими репликами. Мальчик-даос органично вписался в эту картину, словно рыба в воду, и никто не чувствовал диссонанса.

Он даже умудрился уговорить принцев выложить свои тайные запасы сладостей на стол, особенно отличился в этом деле шестой принц, чьи запасы к концу трапезы почти опустели. Полузрелые юноши, сгрудившись вокруг стола, уплетали лакомства и внимали диспуту, напоминая скорее дружескую компанию, собравшуюся на захватывающее представление.

Сюэ Цзинань заметил отсутствие четвертого и пятого принцев. «Должно быть, оба попросили отгул», — подумал он.

Не успел он закончить мысль, как до его слуха донесся шум. Обернувшись, он увидел, как пятый принц, побледневший и задыхающийся, судорожно вцепился в ствол дерева.

Дыхание его было прерывистым и тяжелым, сердце бешено колотилось, лицо приобрело землистый оттенок, губы посинели, а кончики пальцев побелели, словно мел. Казалось, у него сердечный приступ.

Наконец, отдышавшись, пятый принц обернулся и встретился взглядом с Сюэ Цзинанем. Отпустив дерево, он выпрямился и, натянув на лицо фальшивую улыбку, произнес:

— Наконец-то заметил, что я умираю?

Сюэ Цзинань, однако, был непреклонен:

— Ты совершенно здоров.

Пусть батарея и барахлит, но показатели жизненных функций по-прежнему значительно превышали показатели его сверстников. Более того, если бы батарея действительно была разряжена до критического уровня, ему едва ли хватило бы энергии на столь энергозатратные действия, вместо того, чтобы попросту перейти в спящий режим.

Так что это не сердечный приступ, разыгравшийся за одну ночь. По логике вещей, преступник - благородная супруга Жун. Благородная супруга Жун позволила своему сыну страдать от неизлечимой болезни, и его не интересовало выведывание маленьких секретов людей.

Вспомнив вчерашние слова пятого принца, глаза Сюэ Цзинаня слегка загорелись, и он, растянув губы в привычной улыбке, вежливо поинтересовался:

— Теперь, когда я победил тебя, могу ли я отрубить тебе руку?

— ... Только если ты пойдешь со мной к четвертому брату и споешь для него. — Пятый принц с трудом перевел дыхание. Даже в приступе гнева он не забыл устроить провокацию. — Я слышал, четвертый брат так болен, что не может встать с постели, и мучается кошмарами по ночам. Думаю, ему очень нужна твоя поддержка, седьмой брат.

Сердце пятого принца, бешено колотящееся от пережитых эмоций, болезненно сжалось, а на посиневших губах появилась зловещая ухмылка.

Он шагнул вперед, понизил голос и заговорщически поманил Сюэ Цзинаня:

— Седьмой брат, неужели ты не таишь обиды на четвертого брата за его отношение к тебе? Это прекрасная возможность отомстить ему и навсегда отучить его издеваться над тобой. Поверь

мне, если ты упустишь этот шанс, другого может и не представиться. Седьмой брат, убей его, пока он болен, не будь нерешительным.

Его рука легла на плечо Сюэ Цзинаня и нежно сжала его, словно подбадривая.

Сюэ Цзинань, записав новый навык в свой арсенал, кивнул, словно постиг истину:

— Я понял.

Когда на лице пятого принца отразилось облегчение, его запястье внезапно оказалось зажатым в стальной хватке, и мир перевернулся. Руку вывернули назад и с силой прижали к столу, вдавив лицо в холодный камень. Прилив крови к голове прояснил сознание.

— Я собираюсь лишить тебя жизни, пока ты болен. Спасибо тебе, пятый брат. Ты такой хороший человек. Я сберегу твою руку.

Сюэ Цзинань, чувствуя себя учеником, преисполнившимся благодарности к своему учителю, одарил доброго пятого принца искренней улыбкой.

Добросердечный пятый принц:

— ...

Автору есть что сказать:

Четвертый брат: Ты дал навыки и руку. Давайте поблагодарим пятого брата за его щедрый дар. Ха-ха-ха!

Пятый принц: gg.*

[good game (GG), что переводится как «хорошая игра». В плохом смысле аббревиатура GG может использоваться с сарказмом. Например, так могут выражать пренебрежительные комментарии по поводу плохо сыгранной части игры или неудачной командной драки.]

<http://bllate.org/book/15803/1416659>